

Георгий Ванунц

*Научный сотрудник,
Центр современных политических исследований
Институт общественных наук РАНХиГС,
пр. Вернадского, д. 82, к.2, 119606 Москва
E-mail: g.vanunts@gmail.com*

***Варвар в городских стенах.
Предприниматель Шумпетера
как субъект историко-
политического дискурса***

Аннотация:

Реакционный поворот в электоральных демократиях по всему миру зачастую объясняется как результат нехватки в сердце неолиберальной рациональности. Для критических теоретиков это нехватка политического или/и социального, для консервативных — живой связи с моралью, культурой и традициями. Данная работа задается целью дополнить гипотезы нехватки предположением об

избытке, антиномическом элементе, который исторически обуславливает смещение неолиберальных демократий вправо. В попытке отследить этот элемент автор восстанавливает генеалогию понятия «предприниматель» в теории Йозефа Шумпетера, чья философская антропология радикально отличается от привычных нам неолиберальных эпистемологий других теоретиков Австрийской экономической школы.

Ключевые слова:

Венди Браун, Ульрих Броклинг, Мишель Фуко, Йозеф Шумпетер, Венрер Зомбарт, Фридрих фон Визер, Австрийская экономическая школа, Немецкая историческая школа, неолиберализм, неолиберальный субъект, предпринимательский субъект, homo oeconomicus, консервативный поворот, мутация неолиберализма

Консервативный поворот, наблюдаемый в электоральных демократиях как минимум с середины уходящего десятилетия, при всей своей гетерогенности характерен, в первую очередь, выбором общей конфигурации оппонентов (которых, учитывая риторическое напряжение, следует маркировать скорее пошмиттиански — «врагами»). Если предыдущая «неолиберальная революция», ознаменованная рыночными реформами администраций Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании, проходила под знаком борьбы с социал-демократическим наследием Славного тридцатилетия и организованными левыми движениями (Swartz 2013; Харви 2007), то нынешнее поколение правых лидеров обращает свою критику против врагов, которые находятся одновременно внутри и вовне: мигранты, расовые, этнические и сексуальные меньшинства, политические активисты, «воины социальной справедливости», студенты гуманитарных факультетов, высокооплачиваемые профессионалы из мегаполисов, элиты, «глубинное государство» и профессиональные политики конструируются в качестве единого широкого фронта, угрожающего привычному образу жизни большинства, народа, нации или расы (Akbaba 2018; Fuchs 2018; Kellner 2018).

Подобный широкий фронт является не просто популистской иллюзией, но представляет собой более или менее достоверную проекцию сложившегося к концу XX века неолиберального консенсуса, в котором задачи государственного управления были сведены к эффективному администрированию и обеспечению интеграции национального рынка в глобальную экономику,

а представителям гражданского общества предоставили возможность реализовывать прогрессивные социальные реформы (Fraser 2020). Этот альянс оказался продуктивным для обеих сторон: неолиберальной экономической рациональности удалось полностью колонизировать партии, традиционно защищавшие права рабочих и социальные программы; правозащитникам и сторонникам либерализации общества удалось добиться ряда важных побед, отказавшись от открытой конфронтации с государством и оперевшись на сотрудничество с экспертным сообществом и судебными институтами.

Сегодняшняя реакция на этот альянс редко фокусируется на его экономической стороне, но артикулирует как проблемные лишь те точки, в которых рыночная логика пошла на компромисс с социальной: в США такой точкой стала реформа системы медицинского страхования администрации Обамы, которой объявили решительный бой республиканцы; правые движения в странах Северной и Западной Европы традиционно атакуют Брюссель за излишнюю щедрость по отношению к менее экономически эффективным странам-членам ЕС; одним из важных критических пунктов кампании за выход Великобритании из Евросоюза были выплаты в общесоюзный бюджет, которые страна была вынуждена совершать. Даже меры, очевидно противоречащие логике глобального рынка и строгой экономии — например, торговые войны администрации Трампа или программы существенной социальной поддержки семей в Польше и Венгрии, — артикулируются не в терминах перераспределительной справедливости, но на языке национализма и фамилиализма (Inglot, Szikra, Rağ 2012). По этой причине я предпочитаю обращаться к исследовательскому направлению, интерпретирующему происходящее как кризис или, пользуясь термином Каллисона, *мутацию* неолиберализма (Callison, Manfredi 2020).

Кризис здесь не следует понимать как упадок или предвестие скорой гибели, речь скорее об осязаемой пересборке привычного нам политэкономического дискурса, динамика которой не оставляет сомнений как в смерти старого, так и в рождении нового неолиберализма. Если глобальный финансовый кризис 2008 года породил рефлексии о «зомби-состоянии» (Peck 2010) и «странной не-смерти» неолиберализма (Крауч 2012), то в последующее десятилетие мы засвидетельствовали генетическую перестройку, сохранившую экономически-институциональный каркас неолиберализма за счет ряда дискурсивных смещений (Callison, Manfredi 2020: 3). Фрейзер фиксирует эту трансформацию как переход от «прогрессивного» к «реакционному нео-

либерализму», в ходе которого ради сохранения экономической рациональности в жертву приносятся «прогрессивные» социальные позиции (Fraser 2020).

Описывая происходящее как «крушение хайекианской утопии», Венди Браун фокусируется на фундаментальных противоречиях современной реакции и морально-политического проекта одного из главных теоретиков политической философии неолиберализма, Фридриха Хайека (Brown 2019). Как и его соратники из первого поколения неолиберального *интеллектуального коллектива* (Mirowski 2009), Хайек считал свой проект противоядием от тоталитаризма, а спонтанные порядки рынка и традиционной морали — надежными механизмами обеспечения предсказуемости человеческого поведения, мира, научного и материального прогресса. Как подмечает Браун, националистические, автократические и «порой даже неофашистские» тенденции новых реакционных режимов «настолько же далеки от неолиберальных идеалов, насколько репрессивные режимы государственного коммунизма были далеки от теории Маркса» (Brown 2019: 9). В поисках объяснения подобного смещения Браун обращается к анализу субъекта, производимого неолиберальной политической культурой, и формулирует неутешительный диагноз: почти полвека приватизации, деполитизации и десоциализации привели к тому, что современный неолиберальный субъект руководствуется ницшеанской триадой — нигилизмом, рессентиментом и десублимированной волей к власти. Традиционная мораль в его руках превращается в инструмент демагогии, а пестуемая неолиберализмом свобода — в свободу нигилизма по отношению к нормам и последствиям, выражаемую девизом «Я буду, потому что я могу, потому что я не верю ни во что и потому что я не и что иное, как моя воля к власти» (Brown 2019: 171).

Как и Браун, я фокусирую свое исследование консервативной мутации неолиберализма на субъекте и дискурсивных механизмах его производства. Моя гипотеза, однако, не останавливается на аргументе о выхолащивании этого субъекта, аргументе нехватки — критические теоретики склонны артикулировать ее как нехватку политического или социального (Brown 2019; Davies 2014), консервативные как нехватку морали и традиций (Bell 1976; Kristol 1978). В той мере, в которой мы понимаем неолиберализм как морально-политический проект, разработанный в своих первых итерациях представителями Австрийской, Фрайбургской, Женевской и Чикагской школ, его поздние мутации действительно могут являться непредвиденным следствием сознательного или вынужденного отбрасывания политического, социального или

морального элементов. Продолжая двигаться в этом исследовательском направлении, я хочу обратить внимание на своего рода избыток — инородный дискурсивный элемент в теле неолиберального канона, детерминирующий наблюдаемый сдвиг.

Этот элемент — модель субъективности, с самого начала занимавшая ключевое место в экономическом проекте неолиберализма Австрийской школы, а со временем ставшая универсальным лекалом для неолиберального производства субъекта. Традицию идентифицировать неолиберальную субъективность как предпринимательскую заложил Фуко — в ходе анализа текстов Австрийской, Фрайбургской и Чикагской школ он концептуализировал понятие «предпринимателя себя», субъекта интереса как неотложной индивидуальной воли, наследующего *homo oeconomicus* классической либеральной политэкономии, но, в отличие от последнего, мыслящего себя уже не как участника рыночного обмена, а как производителя собственного удовлетворения (Foucault 2008: 226). «Предприниматель себя» у Фуко представляет перманентную проблему для власти, поскольку больше не мыслит себя *homo juridicus*, субъектом права и подданным суверена (Ibid.: 277). Это сложный для управления субъект; успех неолиберальной правительности в большой степени зависит от того, удастся ли сделать его предсказуемым. Как справедливо замечает Кристианс, фигура предпринимателя себя у Фуко тесно совпадает прежде всего с теоретической моделью Гэри Бэккера и ограничена пониманием неолиберального субъекта как утилитарного агента максимизации удовлетворения, следующего прозрачным правилам рыночной игры (Christiaens 2019). Это минимальное определение точно отражает интенцию неолиберальной правительности, однако именно поэтому модель оказывается недостаточной в тот момент, когда вопреки чаяниям отцов-основателей неолиберального интеллектуального коллектива субъект начинает вести себя в явном противоречии со своими рыночными интересами.

Среди теоретических работ, продолжающих разработку фукондианской перспективы предпринимательской субъективности (Rose 1992; Brown 2003) (McGuigan 2016; McNay 2009) и антропологических исследований конструирования и самоконструирования предпринимательского субъекта (Scharff 2016), я выделю последнюю на данный момент крупную монографию в этом поле, принадлежащую авторству Ульриха Броклинга. По итогам выработанной им собственной генеалогии Броклинг формулирует резюме тотального и одновременно невыполнимого характера требований, которые предлагает интерпелляция

предпринимательскому субъекту. Действуя в режиме экономического империализма, вытесняющего из жизни субъекта любые нерыночные рациональности, предпринимательская интерпелляция требует одновременной мобилизации противоречащих друг другу сил и навыков: рационального и харизматического типов самоконтроля, бюрократически скрупулезного администрирования собственной жизни и фонтанирования энергией и новыми идеями, дисциплинарных техник пробуждения страсти и энтузиазма, адаптации и инновации (Bröckling 2016: xiii). Противоречивы и рецепты взаимодействия с другими, подпитывающие предпринимательскую субъективность — это постоянное чередование автономии и гетерономии, диффузный режим конкуренции и кооперации. На индивидуальном уровне такие противоречия порождают ошибку интерпелляции — непреодолимый разрыв между требованием субъективации и возможностью им полностью соответствовать (Bröckling 2016: 6–7). Финальной производственной целью неолиберализма, по замечанию О’Мэлли, становится гибридный субъект благоразумного предпринимателя (*enterprising-prudent subject*) (O’Malley 2000).

Броклинг остроумно замечает, что наша данность напоминает пророчество одного из главных теоретиков предпринимательства, Йозефа Шумпетера, сбывшееся ровно наоборот: если Шумпетер предсказывал неизбежную гибель капитализма в ходе отмирания предпринимателей как излишнего элемента в управляемой, рационализированной системе корпоративного производства, то сегодня мы оказываемся в ситуации рынка, на котором при абсолютной заменимости индивидуальных работников вымирание грозит всем тем, кто не предпринимает достаточно инновационных усилий и не пребывает в процессе постоянного предпринимательского становления. Такое состояние совершенно немислимо в теории Шумпетера, который выделял предпринимателя как биологически и социально уникального актора; оно является проекцией универалистского представления о предпринимательском поведении его коллег по Австрийской школе, Фридриха Хайека и Людвиг Мизеса.

Цель этого текста — проследить генеалогию понятия «предприниматель», ставшего сегодня универсальной моделью для неолиберального производства субъекта, в теории Шумпетера. Уникальность позиции Шумпетера заключается одновременно в его сознательном дистанцировании от попыток построения теоретического и политического проекта неолиберализма и в колоссальном влиянии, которое оказала на неолиберальный дискурс его модель динамического развития экономики

и предпринимательской функции. Ниже я восстановлю понятие Шумпетера в его кроссдисциплинарной полноте, а затем продемонстрирую генеалогические связи с теориями Фридриха Визера и Вернера Зомбарта. С помощью концептуального ряда из теории двух дискурсов Фуко (сформулированной в серии семинаров «Нужно защищать общество») я локализирую особое, внешнее по отношению к неолиберальному мейнстриму место шумпетерианской предпринимательской модели.

Применительно к обозначенной выше проблематике консервативной мутации неолиберализма мое исследование предпринимательской субъективности в теории Шумпетера позволит дополнить тезис Браун о «крушении хайекианской утопии». Десублимированная воля к власти и нигилизм, обозначенные Браун как актуальные черты неолиберального субъекта, являются не просто следствием политического дефицита неолиберализма или зазора между утопической моделью Хайека и материальной реальностью неолиберальных производственных отношений. В машине производства неолиберального, предпринимательского субъекта — в той мере, в которой мы можем приписывать ведущую роль в ее проектировании теоретикам Австрийской экономической школы, — всегда были заложены элементы противоречащих друг другу дискурсов, наследующих, с одной стороны, классической английской политэкономии и, с другой, немецкому историзму и социальной философии аристократической реакции.

Предприниматель как экономический субъект

Йозеф Алоис Шумпетер вступил в пору интеллектуальной зрелости на заре XX века в Вене, одной из столиц европейского *fin de siècle*. Эксцентричная по меркам австро-венгерской интеллектуальной элиты биография — после преждевременной кончины отца-промышленника мать Шумпетера де-факто сбежала с сыном из родового гнезда в провинциальной Богемии и вышла замуж за престарелого офицера императорской армии — вывела его на классический трек: «Терезианум», одна из лучших школ столицы Габсбургов, а затем кафедра права Венского университета. Научными руководителями Шумпетера оказались основоположники того, что позже станет известно как Австрийская экономическая школа — Фридрих фон Визер и Ойген фон Бом-Баверк. Экономический семинар последнего в 1905–1906 году стал лабораторией, участники которой сыграют ключевые, хотя и трагические роли в довоенной экономике Центральной Европы: в спорах о судьбе

капитализма компанию Шумпетеру составляли Людвиг фон Мизес, будущие министр финансов Веймарской республики Рудольф Гильфердинг и генеральный секретарь Австрийской социал-демократической партии Отто Бауэр, а также теоретик «демократического социализма» Эмиль Ледерер.

Второй важной школой молодого Шумпетера, уже после выпуска из университета, стал семинар по политической экономии Густава фон Шмоллера в Берлине — там австриец познакомился с немецкой исторической школой и рядом старших коллег, например, Вернером Зомбартом. О скандальной для выпускника Венского университета симпатии к немецкому историзму еще будет сказано ниже, а пока достаточно упомянуть, что завершил свой гранд-тур Шумпетер в Лондонской школе экономики, где, по собственному признанию, получил от одного из пионеров неоклассической традиции Альфреда Маршалла ценный совет «не заниматься экономикой».

Необычайно разнообразный студенческий опыт (между Берлином и Лондоном Шумпетер не преминул заглянуть и в парижскую Сорбонну, а в уме держал и Лозаннскую экономическую школу) предопределил принципиальную открытость Шумпетера-теоретика самым разным школам, методологиям и, в конце концов, дисциплинам. Завидный даже по меркам коллег кругозор и маниакальное трудолюбие делают Шумпетера одновременно любопытным и сложным объектом изучения для историков идей: на протяжении первых десятилетий своего становления он непрестанно читал на немецком, французском, итальянском и английском языках и был прекрасно знаком с передовой европейской мыслью в диапазоне от физики и биологии до социологии и психоанализа.

Первая большая работа Шумпетера, в которой появляется теоретический портрет Предпринимателя, — «Теория экономического развития» (1913), этапный для еще молодого экономиста текст, где он отходит от понятия экономического равновесия, канонического элемента неоклассической экономической теории. Шумпетер противопоставляет «статическому» пониманию рынка как равновесия «динамическую» модель экономического развития, спонтанного, смещающего и разрывного, без иллюзии преемственности (Schumpeter 1987a: 542–543). Главная проблема такой модели — само возникновение революционной перемены. Что или кто создает разрыв, меняет «традиционный курс и сами рамки», революционизирует, как сказал бы Маркс, производительные силы и производственные отношения? Ответ — предприниматель.

Предприниматель занимает в модели Шумпетера лиминальную позицию агента инновации, то есть эндогенного элемента системы, благодаря энергии которого она и совершает свое прерывное движение; однако сам агент не руководствуется стимулами стандартного, «статического» экономического поведения (Shionoya 2007: 170). Таким образом, динамическое развитие экономики возможно лишь благодаря экзогенным импульсам, исходящим от чуждого *homo oeconomicus* субъекта; человека с принципиально отличным от экономического мотивом действия. Уже на этом этапе можно отметить радикализм Шумпетера, де-факто объявляющего капиталистические инновации продуктом внеэкономического поведения.

Успешный предприниматель должен быть свободен не только от рамок экономического поведения, но и от *доxa* как таковой. Он «более эгоцентричен, чем другие [типы]», меньше полагается на обычаи и связи, а его социальная функция состоит именно в порыве со старой традицией и создании новой, последствия которого отразятся не только в экономике, но и в обществе, морали и культуре (Schumpeter 1934: 296). Предприниматель с готовностью действует имморально; в противном случае, он не смог бы родить в себе ни стимула, ни видения инновации.

Принципиальна разница мотивов действия, именно она отличает субъекта динамической экономики от субъекта статической. Экономическое действие второго мотивировано «удовлетворением потребностей», что совершенно чуждо предпринимателю. Его мотивации не рациональны и, что еще важнее, не эвдемоничны. Шумпетеру приходится подчеркнуто сузить определение мотива «гедонизма» — речь идет исключительно о нуждах товарного потребления и «того типа удовлетворения», которое от него испытывают (Schumpeter 1934: 297). С точки зрения гедониста поведение предпринимателя иррационально — последний попросту не оставляет себе свободного времени на потребительские радости. Более того, в «выдающихся особях» предпринимательского типа присутствует своеобразный снобизм, «демонстративное безразличие» к потреблению (Ibid.: 298).

Какими же негедонистическими, иррациональными мотивами руководствуется предприниматель? Первый набор предельно биологичен; речь идет об индивидуальных психологических особенностях, которые оказываются сильнее, первичнее социальных установок, важность и влияние которых Шумпетер не отрицает. Это (1) воля к победе, «воинственный импульс», желание доказать свое превосходство перед другими, преуспеть ради самого успеха, а не его плодов; (2) ощущение могущества

и независимости («которые не становятся менее желанными, будучи лишь иллюзиями»); (3) радость созидания, энергичной и изобретательной деятельности (Schumpeter 1934: 302–303).

Вторую группу мотивов можно назвать специфически социальными. Предприниматель гонится не за материальными благами, но за статусом — он движим «мечтой и волей основать частное королевство», дать начало династии, поскольку это «ближайшая замена средневекового феода» для современного человека, особенно притягательная для тех, у кого нет другой возможности достичь социального отличия (Schumpeter 1934: 299). В этом свете даже финансовый результат становится лишь индикатором успеха, симптомом победы. В более поздней работе Шумпетер уточнит, что «большая часть параферналии социального престижа — в частности, самое неуловимое из всех экономических благ, социальную дистанцию — приходится покупать» (Schumpeter 1976: 208).

Дополнительное преимущество дохода как меры — его объективность, то есть свобода от необходимости ориентироваться на мнение другого (Schumpeter 1934: 301). Таким образом, экономика для Шумпетера не является ни сферой необходимости, ни органическим спонтанным порядком человеческой жизнедеятельности, ни смягчающим нравы инструментом достижения общего блага. В его представлении это скорее поле непрекращающихся битв, на котором энергичные и воинственные индивиды реализуют свою инстинктивную волю к превосходству над другими без оглядки на общественное мнение.

Шумпетеровская ставка на «предпринимательскую функцию» примечательна тем, насколько мало она обязана собственно политэкономическим традициям, англосаксонской и континентальной. В первой до определенного момента понятие отсутствовало в принципе, и место французского *entrepreneur* или немецкого *Unternehmer* занимали такие слова как *undertaker*, *master*, *manager*, *merchant*, *employer* или *enterpriser*, но ни в одном из этих значений «предприниматель» не отделяется целиком от «капиталиста» (Tuagarajan 1959). Ориентировавшийся в первую очередь именно на британскую политэкономия Маркс также не выделил предпринимателю отдельной роли, остановившись на классовой необходимости для буржуазии технологически совершенствовать средства производства.

Континентальная традиция, по крайней мере, провела это размежевание, наметив для «предпринимателя» отдельную функцию. В «Эссе о природе коммерции» Ричарда Кантильона общество состоит из предпринимателей и наемных работников — для

первых характерна специфическая «неопределенность», роднящая адвокатов и врачей с грабителями и попрошайками (Cantillon 1959: 65–70). Важность индивидуальной инициативы в экономике подчеркивал и Жан-Батист Сэй, для которого предприниматель выступал скорее в роли посредника между производителями и рынком (Koolman 1971). Людвиг Якоб тоже считал предпринимателя посредником, но между учеными-производителями знания и работниками (Tyagarajan 1959: 137).

Конгениальные шумпетеровской траектории понятия обнаруживаются у представителей поколения его учителей. Альфред Маршалл выделяет четвертый фактор экономики под названием «организация», подчеркивая, что стимулирует «организаторов» в большей степени «благородный дух соревнования», а не «жажда богатства как такового» (Маршалл 1993:16). Леон Вальрас обращает внимание на отсутствие внятного определения «предпринимателя» в британской политэкономии и дает свое — предпринимателя как человека, покупающего производственные услуги на рынке производства и продающего продукты на потребительском рынке (Walras 1954: 222). Однако ценивший вклад обоих мэтров в экономическую науку Шумпетер отмечает их принадлежность ко все той же «статичной» традиции (Schumpeter 1987b: 965–966). Наиболее важные и близкие к Шумпетеру попытки вывести идеальный тип предпринимателя появляются уже в немецкой экономической социологии — у Вебера и Зомбарта. О них речь пойдет ниже.

Поместив предпринимателя в центр своей модели динамического экономического развития, Шумпетер совершил сразу несколько концептуальных инноваций: (1) отделил предпринимателя от держателя капитала; (2) назвал предпринимателя агентом экономического развития; (3) локализовал предпринимателя как субъекта со специфическим, отличным от «статичного», «гедонистического» мотивом действия; (4) углубил этот мотив за счет описания биологических, психологических и социальных черт своего субъекта.

Методология историко-политического дискурса

Для того, чтобы продолжить и углубить анализ шумпетеровского предпринимателя, мне понадобится восстановить не самую популярную теоретическую рамку Мишеля Фуко. В серии семинаров «Нужно защищать общество» (1975–1976) Фуко проводит генеалогию биовласти и «государственного расизма» через

историю диалектического противостояния двух типов дискурса в европейских монархиях, а затем и буржуазных республиках (подробный анализ см. в: Олейников 2011). Предваряя концептуальное развертывание, их можно назвать дискурсами войны и мира, силы и права, биологического неравенства и искусственного равенства.

Интересующий нас дискурс появился на излете XVI века как реакция. Ему предшествовали века укрепления дискурса суверенитета, юридико-философского дискурса европейских монархий: общего пространства римского права, античной философии и христианской веры, скрепленных союзом Римской католической церкви и монархов, каждый из которых предпочитал вести свою генеалогию от падения Трои или римских Цезарей (Фуко 2005: 88–90). Философско-юридический дискурс отвечал в первую очередь задачам укрепления королевской легитимности и преодоления конфессиональных войн, однако он же способствовал и эмансипации буржуазии, у которой появился общий с государем язык отстаивания прав, а главное — формированию административного аппарата, который, в свою очередь, и стал его главным проводником. Этатизация и неуклонное выдавливание войны из сердцевины общественных отношений на периферию, к границам, делает этот дискурс, дискурс судебных секретарей и интендантов, доминирующим (Фуко 2005: 145–147).

В ответ на его гегемонию возникает «новый и странный» дискурс, который Фуко предлагает называть историко-политическим (Там же: 66). Он рождается в пыли библиотек и при дворах провинциальной знати, это дискурс не столько контрмонархический, сколько антиэтатистский — он дает голос старой земельной аристократии, обеспокоенной новым союзом суверена и буржуазии. В противовес философско-юридической теории этот дискурс утверждает войну как социальное отношение, основу, матрицу всех прочих отношений и институтов, в первую очередь самой власти (Там же: 179). Это, в терминах Фуко, контристория: она стремится разоблачить знание власти, разложить единство «принуждающего закона» и разрушить «свет славы», за кажущимся умиротворением она видит непрекращающуюся борьбу, за общественным договором — верительную грамоту победителей, взявших свое огнем и мечом (Там же: 81, 86, 88).

Помимо врагов стратегических — злоупотребляющего своей властью монарха или наступающего на жизненное пространство административного класса, судебных секретарей и интендантов, — на мишени историко-политического дискурса всегда находятся враги онтологические или даже экзистенциальные,

а именно знание власти, закон, рационализм. Возможно, именно с этим связан последний датируемый Фуко виток возвращения этого дискурса во второй половине XIX века — взрывной рост популярности психологии, появление психоанализа и, в гораздо большей степени, проникновение дарвиновской теории в социальные науки как будто подтверждают горькие интуиции этого дискурса о темных инстинктах и праве силы, компрометируя просвещенческие идеалы и конструктивизм пионеров социологии (Фуко 2005: 271). Эта фундаментальная особенность историко-политического дискурса с самого начала размыкает его для альянса — с одной стороны, аристократии и удаленных от власти интеллектуалов, с другой, «страстного народного реваншизма» (Там же: 74).

Рожденный из знания аристократов, историко-политический дискурс пригодился и революционной буржуазии, он переходил от правых к левым и обратно, завладеть им пытались как монархии, так и республики (Там же 2005: 150). В числе агентов этого дискурса Фуко называет таких разных персонажей, как Эдвард Коук и Джон Лилберн, Анри де Буленвилье и Аббат Сийес. По контуру историко-политического дискурса можно провести даже разграничительную черту между Гегелем и Марксом — если первый представил одну из самых выдающихся попыток апроприации, статизации этого дискурса, то второй, в свою очередь, наследовал оригинальному негативному духу дискурса, заменив нации на классы (Там же 2005: 95). Обратный ход, смещение дискурсивного фокуса с классов на расы, и породил, по мнению Фуко, этатизированный, биологический и социальный расизм.

Стоит зафиксировать ключевые для моего анализа элементы историко-политического дискурса: (1) он атакует любого рода универсализм, его субъект не заинтересован в позиции юриста или философа, но пытается ее разоблачить; (2) для него характерна бинарная конструкция общества, ситуация перманентного конфликта победителей и побежденных (рас, наций, классов); (3) матрицей всех социальных отношений является война, истина связана с силой, а право — с историей, а не теологией; (4) сила понимается в буквальном смысле, как биологическое и психологическое превосходство; (5) отсюда внимание к аффектам и физико-биологическим фактам — гневу, ненависти, страху, страстям, храбрости, воли, энергии; (6) наконец, это меланхолический или, как выражается Фуко, «мрачно-критический» дискурс, дискурс «горечи и самых безумных надежд» (Там же: 74).

Завершая по необходимости сжатое введение в теорию двух дискурсов Фуко, я бы хотел провести еще несколько важных раз-

личений. Историко-политический дискурс определенно можно назвать реакционным, однако было бы фатальной ошибкой посчитать его консервативным. Его энергия всегда направлена на расщепление, разоблачение и ниспровержение целого, это инструмент разрыва, сформировавшийся в борьбе с гомогенной темпоральностью философско-юридического универсума — он совершенно несовместим с консервативной теорией Бёрка, хотя активные элементы этого дискурса можно обнаружить у де Местра. При всем своем выдающемся биологизме историко-политический дискурс не приемлет натурализм — любые апелляции как к «естественному» закону и ходу вещей, так и к «естественному» субъекту с присущими ему чертами, правами или интересами.

Фуко обращается к текстам Буленвилье для того, чтобы зафиксировать характерную для историко-политического дискурса критику фигуры «дикаря». Хороший или дурной, руссоистский или гоббсианский, для Буленвилье дикарь, человек природы — это фикция, создание теоретиков права, помещенное ими в абстрактное дообщественное время именно для конструирования общества; не менее удобен «дикарь» и для экономистов — как субъект без истории и без культуры, живущий исключительно своим интересом и обменивающий свой труд на другие продукты. Иначе говоря, и субъект общественного договора, и субъект обмена, *homo oeconomicus* — враждебные для историко-политического дискурса фигуры (Фуко 2005: 208). В противоположность дикарю историко-политический дискурс выдвигает фигуру варвара — человека, который не может быть «понят и охарактеризован сам по себе», но только в отношении цивилизации, как элемент либо разрушающий ее, либо созидающий, но не существующий в ее рамках. Варвар презирает и одновременно желает цивилизацию, стремится ее разрушить и присвоить, он всегда находится под ее стенами (Фуко 2005: 209).

Будучи персонажем истории, а не природы, варвар не обменивается, но господствует. Из этого вытекает и принципиально отличное от дикаря экономическое поведение: его отношение к собственности вторично, он желает не самой собственности, но захвата (чужой) собственности, а в большей степени захвата других, которые будут обрабатывать за него землю, изготавливать оружие. Из отношений господства следует и особое, варварское понимание свободы — как свободы, потерянной другими (Там же: 210). Если дикарь распоряжается своей свободой как ресурсом и способен уступить ее часть ради безопасности или благ, то варвар неотделим от своей свободы. Он может вступать в отношения с властью, может выбирать короля, но только из рас-

чета умножения собственной силы, чтобы «стать сильнее в своих вымогательствах, грабежах и насилиях, чтобы быть захватчиком, более уверенным в своих силах». Ниже я попробую показать, как много общего у шумпетеровского предпринимателя с этим историческим персонажем.

Предприниматель как субъект истории

Мы уже выяснили, что предприниматель — это исторический субъект *par excellence*, без него невозможна сама созидательно-разрушительная поступь экономической истории, ее прерывистое, революционное движение. Он лишен товарного гедонизма, преисполнен воли к победе и жажды превосходства, гонится за успехом ради самого успеха, ощущения могущества и независимости, а не его материальных плодов. Наконец, его социальность асоциальна, она заключается в желании основать «частное королевство». У этой яркой аналогии существует и отдельная родословная, которую Шумпетер очерчивает в своем историцистском эссе «Социология империализмов» (1919).

В этом интонационно выдающемся тексте Шумпетер в пику социалистической критике выдвигает гипотезу о том, что капитализм имеет мало общего с империалистической бойней, а мировая война стала лишь пережитком прежних общественных формаций. Ключевой аргумент работы прост — «империализм» является не силовой стратегией жаждущего новых рынков сбыта и производства капитала, но «безобъектным» экспансионистским драйвом, присущим воинским нациям и классам (*Ibid.*: 6–11). В первую очередь таким классом является дворянство, а потому там, где оно преобладает в административном аппарате, складывается империалистическая «машина войны»; буржуазные же правительства ориентированы на торговлю и совсем не склонны к иррациональным военным авантюрам.

«Социология империализмов» — яркий документ влияния немецкой исторической школы, которого Шумпетер никогда не отрицал (*Michaelides, Milios 2009*). Погружаясь вглубь веков и тысячелетий, на примерах ассирийцев, египтян, римлян, греков, франков и других легендарных народов он рассуждает о возникновении воинских инстинктов, господских и рабских расах, анализирует исторические причины успеха великих лидеров и, наконец, приходит к центральному для эссе сюжету — процессу статизации и упадка «господского класса», дворянства. Носители древних воинственных инстинктов, привычные к ратному делу феодалы становятся жертвами собственного успеха.

Получив некогда по праву сильного свои феодалы, они проводят свои дни в праздных развлечениях и приватности землевладельца, постепенно теряют свою социальную функцию, прямую связь с физической силой и боевым превосходством. Сознание осевших воинов экономизируется, а воля к завоеваниям слабеет. В результате укрепившейся централизованной машине абсолютизма удается без труда их абсорбировать и поставить остатки победоносных инстинктов на службу враждебному им государству (Schumpeter 1974: 43).

Начиная текст как апологию капитализма и буржуазного государства, Шумпетер заканчивает на меланхолично-критической ноте: капитализм демократизирует, рационализирует и индивидуализирует субъекта, механизмируя мир вокруг (Ibid: 68). В этом мире рыночная конкуренция остается последним полем проявления воинственных инстинктов, носители которых все еще гонятся за призраком ратной славы. В отличие от максимизирующего прибыль «капиталиста» предприниматель является империалистом экономической сферы — находясь в авангарде капитализма, предприниматель действует вне его буржуазной логики накопления и рационализации. Так Шумпетер приходит к своей скандальной формуле капитализма как остаточного элемента феодализма. Через несколько десятилетий он разовьет эту интуицию в своем политическом *opus magnum* «Капитализм, социализм и демократия» (Schumpeter 1976: 139).

Итак, историческая темпоральность, которая предшествует появлению предпринимателя, — это череда экспансий и угасаний «воинских» наций и классов, эпизодом которой является статизация и патримониализация европейского дворянства. Возглавив буржуазию и рабочий класс, предприниматель проявляет себя как новый исторический субъект, новый завоеватель, который разрушит старый мир (Ibid.: 66). Если Маркс, описывая переход от феодализма к капитализму, подчеркивал революционную роль буржуазии как класса, Шумпетер посчитал необходимым вынести предпринимателя за ее пределы. В великом споре между Вебером и Зомбартом он идет за последним, однако и в этом случае выбирает оригинальную траекторию.

Предприниматель как субъект вне класса

Черты, которыми наделяет предпринимателя Зомбарт, не слишком характерны для шумпетеровского типа: быстрая реакция, чистота мысли, чутье, остроумие и «проворство духа, свойственное легкой кавалерии». В этом портрете больше внимания

уделено интеллектуальным способностям, а не волевым качествам, важным для Шумпетера (воля к победе, безобъектный экспансионизм), но и они окажутся недостаточными без воли к жизни, «жизненной энергии», которая производит не просто удовлетворение, но удовольствие. Предприниматель упрям, несгибаем, он не сворачивает с пути под напором трудностей, «словом, его витальность выше среднего» (Sombart: 40–41). При разности акцентов Зомбарта с Шумпетером объединяет взгляд на историческую генеалогию идеального типа предпринимателя — у последнего гораздо больше общего с генералами, вооруженными наемниками и государственными мужами, чем, как полагал, в частности, Зиммель, с художниками и творцами. Однако наиболее важный пункт генеалогического родства между двумя предпринимателями обнаруживается в классовом отношении.

Выходец из провинциальной промышленной династии, всю свою жизнь изображавший аристократа, Шумпетер не скупится на уничижительные реплики в адрес буржуазии. Он выбирает классические для историко-политического дискурса линии атаки — недостаток силы и глубины традиций, избыточная рациональность, свойственная слабым стратегия альянсов и химерических умпостроений. Буржуазия повсюду утверждает свои интересы, но не способна править (Schumpeter 1974: 92). Поэтому даже устраивая революции, этот класс никогда не представляет угрозы для суверена — наоборот, в обмен на защиту и поддержку, в обмен на небольшую порцию новых прав он отдает ему свободу целиком (Ibid: 93). Буржуазия не только не бросает вызов абстрактной форме государства, но напротив, кровно заинтересована в его усилении, ведь именно у него она ищет защиты даже от внешних и внутренних врагов.

Сам буржуа «представляет из себя жалкое зрелище за пределами кабинета», лишен героизма, кроток, да и попросту труслив (Ibid:92). Его путь к господству лежит через знание — он может использовать «только рационалистические и негероические средства чтобы защитить свою позицию или склонить нацию перед своей волей» (Schumpeter 1976: 138). Однако этот же рационализм, отсутствие укорененности собственной жизненной позиции на более глубоком уровне, делает его уязвимым перед духовным лидерством интеллектуала, который, «как скудный камыш, открыт любому импульсу и падает жертвой необузданного эмоционализма» (Schumpeter 1974: 92). Именно поэтому у буржуа едва ли есть натиск устоять перед пророками социализма, чья пропаганда апеллирует к знакомым ему абстракциям

разума, гуманизма и справедливости. Полной противоположностью буржуазии является «феодальный элемент», представители которого даже после веков угасания сохраняют ключевые позиции в обществе в силу обладания жизненной позицией, укорененной на уровнях куда более глубоких, чем ученое знание и политические спекуляции (Ibid.: 93):

Это классовое качество обладания определенным характером и образом мысли, простота и солидность социальной и духовной позиции («...») дает им возможность ассимилировать новые элементы, заставляя других служить их целям, словом, дает им престиж, что-то, на что буржуа, как известно, всегда смотрит снизу вверх.

Вымирание феодального элемента, потомков аристократических родов в административных аппаратах, «разрушение защитного слоя» Шумпетер называет в числе основных причин неизбежной гибели капитализма. Он отмечает, с какой легкостью буржуазия переходит в политическую атаку на этот класс, несмотря на то, что без него не способна не только управлять нацией, но даже защищать свои собственные классовые интересы: «Буржуазии нужен господин» (Schumpeter 1976: 138). Парадоксальным образом (особенно для читателей Маркса), апология капитализма у Шумпетера превращается в критику буржуазии, выявление фатального напряжения между двумя классами. Пролетариату в этой истории нет места, он лишен какой-либо классовой субъективности — переход к социализму случится именно в результате возобладания буржуазии и ее, социализирующих, не столь уж и капиталистических ценностей (Schumpeter 1974: 173).

Предприниматели занимают уникальную генеалогическую позицию на пересечении классовой и «духовной» классификаций Зомбарта. Обе сводятся к дихотомии: в первом случае это «аристократ» и «буржуа», во втором — «герои» и «торгаши». Презрение Зомбарта к «буржуа», а точнее «мещанину», настолько велико, что он отмечает сложности с составлением самостоятельного психологического портрета и действует апофатически, улавливая буржуа через цепочку противопоставлений героям-аристократам: первые берут, вторые привыкли отдавать, первые экономны, вторые экстравагантны, первые привержены *avaritia* (жадности), а вторые *luxuria* (роскоши), они тратят с безразличием материальные и духовные ресурсы, в то время как первые внимательно их считают. Аристократы видят мир с субъективной, персональной точки зрения, в то время как буржуа — с объективной материалистической; первые мыслят

эстетически, вторые этически. Мечты и видение аристократов буржуа заменяет калькуляция (Schumpeter 1974: 42).

Понятия «торгашей» [*Handler*] и «героев» [*Held*] Зомбарт использует применительно к нациям. Относя к последним германские народы, а к первым флорентийцев, шотландцев и евреев. В одноименном тексте, адресованном солдатам кайзеровской армии, воюющим в окопах Первой мировой, разделение на торгашей и героев находит свое полное выражение в противостоящих друг другу англичанах и немцах. В описании двух столь разных «духов» мы находим те же черты, что и в оппозиции «буржуа» и «аристократов». В случае с англичанами «этому трезвому образу мышления соответствует ярко выраженная тяга к телесным удобствам, к материальному благополучию, к комфорту». Его добродетели — умеренность, скромность, прилежание, искренность, справедливость — Зомбарт называет негативными, «поскольку все они сводятся к тому, чтобы не делать того, к чему мы, пожалуй, были бы склонны, повинувшись влечению» (Зомбарт 2005: 20).

Немец же, как утверждает Зомбарт, «ускользает от определения» уже в силу своей динамики, которая, впрочем, и является ключевой национальной чертой (Там же: 45):

Это вечная изменчивость, постоянное стремление стать иным, из-за чего немец, собственно, никогда уже не есть, но всегда находится в становлении, это бесконечное многообразие, неисчерпаемое богатство отдельных черт и особенностей, бездна индивидуальности», выражаясь образным языком романтиков.

Немецкий дух восстает против идей XVIII века с английской родословной, отвергая утилитаризм и эвдемонизм. Он противопоставляет им долг, понятый скорее в ницшеанском, чем в кантианском смысле — безразличие к смерти, стремление духа преодолеть земную жизнь уже на Земле. «Соединения с божеством мы достигаем уже на Земле и достигаем его не умерщвлением плоти и воли, а энергичной творческой деятельностью. Мы отдаем себя в деятельной жизни, в ходе беспрестанной постановки и выполнения новых и новых задач», — пишет Зомбарт, выводя наиболее короткую формулу, — «Быть немцем значит быть воителем» (Зомбарт 2005: 52).

Предприниматель у Зомбарта располагает не торгашеско-буржуазными избытком энергии и «проворством духа», но все же ведом конкретным целеполаганием и калькулирующей рациональностью, не свойственными героизму аристократов. Он оказывается своего рода промежуточным звеном, потомком одних

и предком других. Героические народы тоже некоторым образом причастны к возникновению капитализма — свой путь к наживе они прокладывали огнем и мечом, устраивая грабительские и завоевательные набеги. Таковыми, по версии Зомбарта, были римляне, чей метод торговли основывался прежде всего на военной силе. Гораздо больше героического, чем торгашеского, было и в ранних морских торговцах, что с античности делало их социально более важными, чем простые купцы. Именно им, а также военным наемникам Средневековья наследуют «воинственные или полувоинственные» предприниматели (Sombart 2017: 48).

Когда Зомбарт пишет, что в современном ему буржуа половина принадлежит мещанину, а половина — предпринимателю, это следует понимать не только метафизически. Он описывает процесс селекции, проходивший в центрах зарождения капитализма (Флоренции и Англии), в ходе которого потомки героических родов военной аристократии вступали в браки с представителями зажиточного мещанства, что постепенно, за счет внутренних и внешних (социологических) факторов, все сильнее укрепляло капиталистический дух буржуа. В качестве примера он приводит Леона Баттиста Альберти, автора одного из наиболее значимых этических кодексов буржуа, «книги, уже отдающей духом Бенджамина Франклина», — тот происходил из древнего германского рода, но был незаконно рожден во Флоренции. Его мать, уверенно делает догадку Зомбарт, наверняка была из мещан (Зомбарт 2004: 215).

Navigare necesse, vivere non est — этот девиз, начертанный над фасадом Дома мореплавания в Бремене, Зомбарт использует чтобы проиллюстрировать этос героического немецкого духа (Зомбарт 2005: 47). Вот что пишет Шумпетер о вымирании предпринимателя в буржуазном обществе и новом типе *homo oeconomicus* (Ibid.: 123):

Для него, с его точки зрения индивидуалистического утилитаризма, поведение этого старого типа [предпринимателя] кажется абсолютно иррациональным. Он теряет тот единственный сорт романтики и героизма, который оставался в нашей неромантической и негероической цивилизации — героизм *navigare necesse, vivere non est*.

Предприниматель как лидер

Классовый дуализм оказывается лишь одним из ряда дихотомий теории Шумпетера. Уже упомянутая концептуальная пара

динамического и статического субъектов экономики в «Капитализме, социализме и демократии» дополняется оппозицией предпринимателя и менеджера (Schumpeter 1974: 141). Сила и блеск личного примера, позволявшие предпринимателю управлять волей других, сменяются искусством коммуникации с вышестоящими и нижестоящими коллегами, вплоть до «умелых манипуляций знанием деликатной личной информации» (Schumpeter 1974: 123). Аналогом «менеджера» в политической сфере для Шумпетера является выборный политик, «президент», власть которого никогда не может быть полной, потому что зависит от множества других людей.

Дуалистический ряд противопоставлений — феодал и буржуа, предприниматель и менеджер, монарх и президент — опирается в критерии силы и субъективности. Те, кого Шумпетер причисляет к динамическому типу, действуют вне ограничений, которые накладывает закон, государство, мораль, обычаи или даже разум. В первой, германоязычной редакции своей «Теории экономического развития» Шумпетер посвящает этому дуализму целую главу (позже он вымарает ее из англоязычного перевода), в которой уточняет: экономика это лишь одна, притом не самая важная из сфер человеческой жизнедеятельности, в каждой из которых есть свои лидеры (Shionoya 2007: 32). Это понятие, по-видимому как и саму бинарную структуру, в которой любое общество делится на лидеров и массы, Шумпетер заимствует у своего научного руководителя Фридриха Визера. Последний определяет лидерство как избыток власти, способности одного добровольно подчинить своей воле других.

Лидер (*Führer*) для Визера — живое воплощение, локус власти (*Macht*), понятой как способность «управлять человеческим разумом» (Wieser 1983: 3). Подобно тому, как любая конституция, по мнению Визера, лишь отражает баланс сил между лидерами и массой, а частная собственность является скорее метрикой распределения власти, чем результатом экономических отношений, лидер телесно воплощает в себе все ту же власть, растущую из его индивидуальной силы. Именно через активных лидеров способна артикулировать себя пассивная «масса» — в отличие от многих консервативных современников, Визер не считал «массы» чем-то заведомо дурным или опасным, но подчеркивал необходимость лидерского элемента для того, чтобы «масса» могла собраться в «множество» (Wieser 1983: 35–36). Дихотомическая структура имеет принципиальное значение — подобно тому, как в классовых построениях Шумпетера между буржуазией и дворянством отсутствует пролетариат,

у Визера не существует сингулярного индивида, который не являлся бы лидером или частью массы.

Власть Визер понимает как «одержимость», экспансионистский драйв, присущий не только народам-завоевателям или военным династиям, но и религиям и идеологиям; «новый элемент, возникающий в таинственной тьме великой души и только в ней» (Ibid.: 47). Локусом власти, ее выразителем и агентом становятся «мощные» индивиды в самых разных областях жизни — от генерала и проповедника до предпринимателя. Они обладают особой, не только «внешней», но и «внутренней» властью, превращающей простого деспота в лорда и, в своем логическом пределе, государя, которому повинуются без необходимости внешнего принуждения. Выборный политик или, например, глава гильдии, также не перестает быть лидером, но в силу самого механизма отбора руки у него связаны гораздо в большей степени — ведь он должен считаться с мнением избравших его, а значит, по определению придерживаться более безопасных стратегий. Для Визера это не составляет проблемы, однако Шумпетер, как уже было упомянуто выше, заостряет противоречие между истинным и выборным лидерами.

У Визера мы обнаруживаем и прерывную историческую динамику, инициируемую «великими людьми» (Wieser 1983:47):

Снова и снова, из бесконечного пространства разума вспыхивает искра гения, разжигаемая титанической властью Прометея, чтобы осветить своим светом новой мысли, нового восприятия, смелости к новым свершениям, путь к дальнейшей эволюции <...>. Без великих людей не было бы и развития, они суть движущие силы роста человечества.

Следуя за собственной логикой силы, Визер постулирует необходимость насилия как инструмента в руках лидера (Ibid.):

Туннель, ведущий из тьмы бескультурной жизни к свету, был проложен там, где горная порода была мягче всего и менее всего сопротивлялась, в борьбе насилия против слабости. Только в этом процессе <...> все сложнее становится задача лидера, который преодолевает сопротивление алмазным сверлом разума.

Предприниматель — лишь частный случай лидерства, точнее лидер «частной жизни». Персона предпринимателя обладает огромной, а иногда и «непомерной» властью, настолько могучей, что там, где отсутствуют сдержки в лице государства или

профсоюзов, она позволяет ему вершить деспотическое насилие над экономикой, как это делали в старые времена «вооруженные рыцари из своих укрепленных замков» (Wieser 1983: 41–42). Для Визера предприниматель является единственным настоящим «индивидуалистом» среди частных людей, способным выйти за пределы усредненных норм. Как и любым лидером, им движет не экономический эгоизм, но «стремление к господству» (*Herrschucht*), невыносимость самой мысли о том, что кто-то может оказаться лучше него, необходимость дать волю разрывающей его внутренней мощи (*Ibid.*).

Биология предпринимателя

Визер и Зомбарт, как и многие другие социологи своего поколения, находились под значительным влиянием дарвиновской космологии и последовавших за ней влиятельных интерпретаций. Шумпетер идет дальше и, обозревая широкий спектр дарвинистов в социальных науках, сетует на недостаточное внимание экономистов к этому корпусу знаний. К сожалению для него, вопрос расы неизбежно порождает инфантильное разделение ученых на враждующие стороны — виной тому «достойные сожаления» идеологические предрассудки исследователей. Для него наиболее яркими образцами попыток научной работы с расовыми теориями являются труды Гобино и Аммона с одной стороны, и Франца Боаса с другой. Что касается естественнонаучных изысканий, то ключевые, «великие» имена для него — основатель журнала *Biometrika* Карл Пирсон и открывший Лабораторию евгеники в Лондоне Фрэнсис Галтон. Последнего за его интуиции по поводу индивидуальных психологических различий Шумпетер ставит на свой личный пьедестал «трех величайших в истории социологов» вместе с Марксом и Вико.

Эссе 1927 года «Социальные классы в этнически гомогенной среде» было суждено остаться единственным текстом, в котором Шумпетер последовательно развивает социал-дарвинистскую линию своей теории. Отдавая должное не только Шпанну и Зиммелю, но и Галтону, он выстраивает образ классовой системы как поверхностной статической структуры, отеля, «жилыцы которого постоянно сменяют друг друга на разных этажах» (*Ibid.*: 161). В этой условной архитектуре лидеры теряют всю романтическую значимость собственной индивидуальной роли и становятся лишь организмами определенного типа, чья социальная функция обусловлена биологическими склонностями (*Ibid.*: 165):

Наша забота это не индивидуальное лидерство творческого разума, гения <...>. И мы никоим образом не настаиваем на том, что лидерство группы, лишь которое нас и интересует, обязательно «ведет» в каком-то своем, сознательно выбранном направлении. Достаточно сказать, что социальное лидерство означает [способность] решать, командовать, преодолевать, устремляться. Это специальная функция, всегда ясно различимая в индивидах и обществах. Необходимость в ней возникает только в новых индивидуальных и социальных ситуациях, и никогда бы не возникла, если бы индивидуальная и национальная жизнь вечно шли своим повторяющимся чередом.

Заимствуя термин из дарвиновской теории, Шумпетер называет индивидуальный потенциал такого рода лидерства «склонностью» (*aptitude*), у которой много общего с физиологическим признаком, например, «цветом волос или глаз» (*Ibid.*) или талантом. Здесь в качестве примера приводится умение петь; нельзя сказать, что им обладают лишь единицы, некоторые делают это хуже, некоторые, отточив мастерство, лучше, но «едва ли обычному человеку суждено стать Карузо» (*Ibid.*: 165). Правда, чуть позже он противоречит сам себе, признавая, что «способность к лидерству» можно классифицировать скорее как «центральный фактор» общего интеллекта из двухфакторной теории Спирмена, то есть неспецифический набор умственных способностей, необходимый для широкого спектра действий (*Schumpeter 1974: 165*):

«Большинство индивидов обладают им в скромной степени, достаточной для решения простейших повседневных задач, в то время как одно меньшинство демонстрирует эту склонность сильнее, а другое слабее среднего. Степень распространенности подобных способностей в отдельно взятой нации в значительной мере определяет историю этой нации».

Отсюда и определение «этнически гомогенный» в заголовке эссе. В такой, этнически гомогенной среде «особые» и общие способности воли и интеллекта распределяются «по нормальной кривой», подобно росту и весу (*Schumpeter 1974: 164*). Ситуация может осложняться лишь этническими различиями — например, пишет Шумпетер, между «монголами и славянами» или «белыми и неграми» (*Ibid.*). Если бы физической наследственности не существовало, то едва ли положение классов и семей в обществе были настолько стабильными. Шумпетер признает, что наряду с «природной склонностью» существует и «приобретенная».

При этом источником приобретения «склонностей» в его теории выступает исключительно семья, другие же, лежащие вовне ее «склонности» воспринимаются как классовая угроза (Ibid.: 163): «Чем выше роль природной или приобретенной в семье склонности, тем крепче будет классовая позиция».

Шумпетер добавляет дополнительный, подвальный этаж к марксовской конструкции базиса и надстройки; признавая первичность производственных отношений, он настаивает, что сами производственные отношения, в свою очередь, вторичны по отношению к биологии; процесс социального взлета или падения, пускай и в «очень ограниченном смысле», может быть описан в терминах «естественного отбора» (Ibid.: 162). Социальная, экономическая функция предпринимателя оказывается в большей степени функцией могущественной природы, перед которой обречена рассыпаться любая общественная структура. Шумпетер уже не скрывает, что его герой никаким героем не является — он лишь носитель генетически обусловленной «склонности», ходячий «социальный факт», воображающий пустые различия «индивидуального и социального», «субъективного и объективного» (Ibid.: 161). Ну а то, что эта склонность может оказаться антисоциальной в отношении абстрактных универсальных конструкций человеческого разума, не подлежит сомнению (Ibid.):

Со многих точек зрения — религиозной, эстетической, моральной — эту склонность можно с необходимостью оценить негативно. Она может, в частности, быть антисоциальной — и это не обязательно оценочное суждение, но суждение, основанное на фактах. Успех индивида, семьи, класса необязательно означает успех всего населения; на самом деле, он может значить ровно противоположное.

Биологизм и, до некоторой степени, дарвинизм Шумпетера имеют мало общего с нигилизмом — они укладываются в историко-политическую логику социального консерватизма. Эта социально-биологическая конструкция, в которой обладатели особых, в первую очередь генетически наследуемых, а также приобретаемых в семье склонностей выполняют ключевые для общества лидерские функции, берут на себя роль революционеров отдельных сфер жизни. Буржуазные демократизация, рационализация и индивидуализация несут с собой угрозу этой конструкции, стремясь к искоренению тех самых инстинктов и стимулов, которые движут лидерами. Вместе с тем и либеральный дарвинизм, представленный в первую очередь Спенсером,

не совместим с шумпетеровским социальным биологизмом. Шумпетер называет Спенсера одновременно «глубоким, умным и глупым»: глубина и ум приходятся на биологические и инженерные интуиции британца, а глупость — на упрямый *laissez-faire* либерализм, сделавший его экономические тексты «сатирой на собственные взгляды». Этическую систему Спенсера, основанную на утилитаристском идеале максимального количества счастья для максимального количества людей, Шумпетер посчитал «не стоящей упоминания».

Предприниматель как сверхчеловек?

Йозеф Шумпетер принадлежит к числу теоретиков, в отношении интеллектуальных корней которых приходится довольствоваться определением «гетеродоксальные»: полимат и полиглот, он свободно читал на немецком, английском, французском и итальянском и интересовался передовыми публикациями не только в экономике и социологии, но и в психологии, антропологии, биологии, физике и математике. Энциклопедические знания континентальной и английской интеллектуальных традиций Шумпетер подкрепил тысячью страниц своей «Истории экономического анализа», которая не ограничивается лишь фигурами экономического анализа. Охотно упоминая коллег в текстах и сносках, он предпочитал полемизировать, а не выстраивать альянсы. По этой причине список авторов, среди работ которых исследователи обычно ищут корни понятия «предприниматель», достаточно широк: в него обычно входят такие, казалось бы, далекие от Австрийской экономической школы и друг от друга персоналии, как Фон Филиппович и Шафле, Бергсон и Тард (Taumans 1950; Backhaus 2003).

В данном тексте я сосредоточился на связи шумпетеровского понятия с теориями Визера и Зомбарта, каждый из которых является формативной для австрийца фигурой — первый был его непосредственным научным руководителем в Венском университете, с текстами второго Шумпетер столкнулся на семинаре Густава Шмоллера в Берлине, где на протяжении нескольких месяцев после своего выпуска изучал работы представителей Немецкой исторической школы. И Визер, и Зомбарт, говоря о «лидерах» и «массах», «героях» и «торгашах», не стесняются признавать влияние Ницше, что с неизбежностью ставит ницшеанский вопрос в отношении самого Шумпетера (Зомбарт 2005: 42, 45, 86).

Ницшеанская генеалогия шумпетеровского субъекта уже неоднократно проводилась исследователями на разных уровнях:

как детального сопоставления «предпринимателя» со «сверхчеловеком» (Lapied, Swaton 2013; De Vecchi 1996), так и более общего и одновременно тонкого анализа преемственности понятия «созидательного разрушения», восходящего не только к «Так говорил Заратустра», но к Гёте и Гердеру, к Бакунину и к совокупной немецкой традиции понимания производительных сил как «капитала воли», к которой Шумпетер приобщился именно через Зомбарта (Reinert, Reinert 2006). Не отрицая валидности этой линии анализа, я бы обратил внимание на то, как сам Шумпетер упоминает Ницше. По существу, он делает это всего один раз, отводя тому место в коротком списке «антибуржуазных» и «антиинтеллектуалистских» философов наравне с Бергсоном и Сорелем (Schumpeter 1976: 340). Особенно отмечает в этой тройке он не Ницше, а Сореля, у которого действительно обнаруживается немало общего с Шумпетером: понимание истории как череды великих битв и циклов угасания боевой энергии, образ воинственного «капитана индустрии», презрение к буржуазным рационализму и гуманистическим химерам.

Если не прямое, то опосредованное Зомбартом и Визером влияние Ницше на Шумпетера неоспоримо, однако данная самим Шумпетером подсказка возвращает нас к исходной методологической рамке исследования — историко-политическому дискурсу. Концептуальные основания шумпетеровского «предпринимателя» — его внешняя по отношению к буржуазным ценностям позиция, аристократическая родословная, восходящая к воинственным инстинктам первых господских классов, и граничащий с метафизическим биологический эссенциализм — можно обнаружить у целого ряда авторов, упоминаемых Шумпетером; не только у Зомбарта, Визера, Шелера или Шпанна, но и у Гобино, Парето, Карлейля и Маллока. Именно поэтому не столь важно, кто именно оказал решающее влияние на теорию Шумпетера — Ницше, немецкие историцисты, итальянские теоретики элит, британские реакционеры или пионеры евгеники — эта теория стремится артикулировать позицию, направленную одновременно не только против эгалитарных политических требований и социального конструктивизма интеллектуалов, но и против либерального философского универсализма буржуазии.

Историко-политический субъект Шумпетера

Что нового мы можем сказать о понятии предпринимателя, проанализировав социологическую, историческую и, до некоторой степени, биологическую теории Шумпетера? Во-первых,

«предприниматель» ни в коем случае не может являться универсальной фигурой, типом поведения, характерным для каждого в капиталистической системе производственных отношений. Это исключительный, экзогенный и зачастую даже антисоциальный элемент, который, подобно «варвару» Буленвиллье, может существовать только на границе, «под стенами» цивилизации, то есть общества с его усредняющими нормами, сковывающими условиями и систематизированным знанием. Он, в полном соответствии с замечанием Фуко, презирает и одновременно желает цивилизацию — его неумную волю питает ощущение независимости и превосходства, материальные блага нужны ему не для удовлетворения потребностей, но только чтобы показать другим свою силу. Он не может существовать без варварской свободы, свободы, потерянной другими, — ему претит необходимость считаться с мнениями, обычаями и желаниями окружающих, его сила признает лишь победу (или поражение), но не торг с другими силами.

За плечами у предпринимателя — не абстрактное право или естественное состояние, но история битв, упадка, гибели и нового рождения наций и классов. Он наследует не трусливому и рациональному буржуа, чьи революции всегда оборачиваются оборонительным союзом с государством, но феодалам, чьи качества, желания и взгляды растут из соответствующей традиции, уходящей корнями в ратное прошлое. Предприниматель, по Шумпетеру, является историческим субъектом капитализма, в то время как вскормленная им буржуазия с ее аисторичным утилитаризмом, этатизирующей рационализацией и лишенной прочных корней культурой может породить лишь социализм — продукт не революции, но деградации, ослабления индивидуальных жизненных импульсов. Подобно тому как историко-политический дискурс давал аристократии политический язык для того, чтобы она могла заявить о себе, Шумпетер дает этот язык своему герою, выделяя ему отдельную судьбу в истории капитализма.

Последней инстанцией теории Шумпетера становится биология. Предприниматель представляет собой не романтического героя или гения — его неповторимая индивидуальность, субъективность вторична, инструментальна. Он больше напоминает слепое орудие эволюции, ту силу, что «вечно хочет зла и вечно совершает благо». Прогресс, и не только экономический, невозможен в статике, за его зарождение всегда отвечают элементы, не способные или не готовые с этой статикой смириться. По мере развития производительных сил избыток внутренней энергии и темные инстинкты, слепой экспансионистский драйв и воля

к власти были абсорбированы и поставлены на службу рынку. Носители подобных склонностей плохо поддаются цивилизации, однако их неприглядная инаковость позволяет обществу как организму непрерывно эволюционировать.

Теоретический проект Йозефа Шумпетера: был (1) направлен против универсального, то есть статического понимания как экономики и общества в целом, так и субъекта капитализма, *homo oeconomicus*; (2) Опирается на дуалистическое видение всех сфер человеческой жизнедеятельности (3) и на силу как матрицу всех отношений, берущих свое начало в войнах, победах и поражениях прошлого. (4) Сила, превосходство динамического индивида над статическим понимается Шумпетером буквально — как результат асимметрии физических сил, воли, энергии и инстинктов. Поэтому (5) ключевыми инструментами различения для его антропологии становятся эмоции и страсти — в одном случае, избыточная витальность и воля к власти, в другом, трусость, покорность и эмоциональная нестабильность.

Два дискурса предпринимательства

Выбранная мною классификация Фуко помогает артикулировать противоречие, лежащее в фундаменте неолиберальной субъективности, в той мере, в которой мы вслед за Броклингом можем понимать ее как предпринимательскую (*entrepreneurial self*). Несмотря на свой антирационализм, критику естественного права и фундаментальную связь с эволюционными теориями, неолиберальный политический проект в том виде, в котором его формулировали Мизес и Хайек, является ярким примером философски-юридического дискурса. Построенные на знании экономистов и правоведов, их модели наследуют «знанию конторщиков и юристов»: несмотря на декларируемое безразличие к отдельным судьбам, обе они телеологичны и заявляют своими целями мир, прогресс и свободу. Знание о средствах достижения своих целей они предпочитают черпать не из истории, социологии или прикладных дисциплин, но из априорных универсалий, таких как спонтанный порядок рынка, добровольная система сотрудничества, игра каталлактики или верховенство закона. В центре этой модели находится конструктивистская задача производства «добровольно конформного» и «предсказуемого» субъекта, чьи действия целиком модерируются рыночной системой сигналов.

Историко-политическая модель Шумпетера расходится с философски-юридическими моделями неолиберальных предста-

вителей Австрийской школы в самой интенции построения универсального субъекта. Для Шумпетера предпочтительным механизмом производства добровольной конформности были сила, физически воплощенная как способность отдавать приказы и престиж как социальный, а не монетарный эквивалент этой силы. Возможно ли, что теория Шумпетера, человека куда менее сдержанного в высказываниях (в том числе научных), чем коллеги по Венскому университету, является, в терминах Фуко, «периферическим телом» неолиберализма, обнажая истину насилия там, где скрупулезно преследовавшие задачу завоевания умов западных элит Мизес и Хайек конструировали блеск новой власти (Mirowski: 444)? Обоснованный ответ на эти вопросы, положительный или отрицательный, требует отдельного анализа понятия в работах представителей первого поколения неолиберального интеллектуального коллектива.

Философско-юридическая интерпретация субъекта-предпринимателя отводит ему место самого человеческого из людей, в прямом смысле образцового члена рыночного общества, создателя богатства, чье лидерство не может быть оспорено политически или социально. Историко-политическая генеалогия предпринимателя дает о себе знать в акцентуациях исключительности (в том числе биологической) предпринимателя, его витальном, динамическом превосходстве над статичными, руководствующимися рациональными догмами бюрократами, беспомощными, зависимыми от мнения электората выборными политиками и консервативными, не способными заглянуть за горизонт собственного материального комфорта зарплатными работниками. До определенных пор две дискурсивные традиции не порождали конфликта в том, что касается легитимации реального лидерства предпринимателей в рыночном обществе. Существенные антиномии возникают на том этапе, когда «предприниматель» из социальной функции окончательно переходит в статус универсального типа субъективности.

Заключение

Предпринимательский субъект в том виде, в котором его теоретизировал Йозеф Шумпетер, всегда являлся скорее антонимом *homo oeconomicus* классической политэкономии. Это варварский субъект (*homo barbaricus*), чья генеалогия восходит к Зомбарту, Визеру, Ницше и дискурсу дворянской реакции. (1) Он стремится к господству, а не сотрудничеству; (2) его экономическое действие мотивировано не необходимостью удов-

летворения потребностей или максимизацией удовольствия, но жаждой престижа и выражаемой в нем социальной дистанции; (3) он автономен по отношению к социальным, моральным и, в пределе, правовым нормам; (4) матрицей всех социальных отношений для него является сила и ее поведенческие производные — воля, энергия, витальность; (5) его социальная онтология настроена на партикулярное, а не универсальное восприятие другого — не как субъекта права (в том числе естественного), согражданина, единоверца или участника «добровольной системы сотрудничества» и разделения труда, но как сильного или слабого, инноватора или имитатора, представителя элит или большинства, лидера или человека массы.

Встроенный в юридико-философскую логику неолиберального проекта, варварский субъект не просто воспроизводится, но производит смещение этой логики. Негативная свобода от принуждения становится свободой господства, каталлактическая игра легко находит свое продолжение в реальном физическом насилии, верховенство права ограничивается частной логикой инструментальной рациональности по его преодолению, а спонтанный порядок традиционной морали, обеспечивающий предсказуемость индивидуального поведения, подменяется милитаристским аппаратом демагогии. Если прошедшие полвека ознаменовались позиционной войной неолиберализма с политическим и социальным, то реакционная мутация неолиберализма, ведомая варварским субъектом, открывает новый, но вместе с тем хорошо знакомый историко-политическому дискурсу фронт борьбы против «знания конторщиков и юристов», апологеты которого — и эту иронию наверняка оценил бы Шумпетер — своими руками сберегли ее ген.

Библиография

- Дзоло, Данило (2010). *Демократия и сложность*. М.: ВШЭ.
- Зомбарт, Вернер (2004). *Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь*. М.: Айрис-пресс.
- Зомбарт, Вернер (2005). *Торгаши и герои. Евреи и экономика*. М.: Владимир Даль.
- Крауч, Колин (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. М.: Дело.
- Маршалл, Альфред (1993). *Принципы экономической науки*. М.: Прогресс.
- Олейников, Андрей (2011). «Аристократия как означающее». В кн.: *Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов*. Под ред. Сергея Зенкина. М.: Новое литературное обозрение.
- Фуко, Мишель (2005). «Нужно защищать общество»: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука.
- Харви, Дэвид (2007). *Краткая история неолиберализма*. М.: Поколение.
- Akbaba, Sertan (2018). “Re-Narrating Europe in the Face of Populism: An Analysis of the AntiImmigration Discourse of Populist Party Leaders.” *Insight Turkey* 20, № 3 (2018): 199–218.

- Backhaus, Jürgen, ed. (2003). *Joseph Alois Schumpeter: Entrepreneurship, Style and Vision*. Boston: Springer.
- Bell, Daniel (1976). *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books.
- Brown, Wendy (2003). "Neo-Liberalism and the End of Liberal Democracy." *Theory & Event* 7, № 1 (2003): 37–59.
- Brown, Wendy (2019). *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. New York: Columbia University Press.
- Bröckling, Ulrich (2016). *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. London: Sage.
- Callison, William, Manfredi Zachary, eds. (2020). *Mutant Neoliberalism: Market Rule and Political Rupture*. New York: Fordham University Press.
- Christiaens, Tim (2019). "The Entrepreneur of the Self Beyond Foucault's Neoliberal homo oeconomicus." *European Journal of Social Theory* 23, № 4 (2019): 493–511.
- Davies, William (2014). *The Limits of Neoliberalism: Authority, Sovereignty and the Logic of Competition*. London: Sage.
- Ferreira, Manuel, Reis Nuno, Pinto Claudia (2017). "Schumpeter's (1934) Influence on Entrepreneurship (and Management) Research." *Revista de Empreendedorismo e Gestão de Pequenas Empresas* 6, № 1 (2017): 4–39.
- Foucault, Michel (2008). *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979*. New York: Palgrave MacMillan, 2008.
- Fraser, Nancy (2020). *The Old is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. London & New York: Verso.
- Fuchs, Christian (2018). *Digital Demagogue: Authoritarian Capitalism in the Age of Trump and Twitter*. London: Pluto Press.
- Inglot, Tomasz, Szikra Dorottya, Raç Cristina (2012). "Reforming Post-Communist Welfare States: Family Policy in Poland, Hungary, and Romania Since 2000." *Problems of Post-Communism* 59, № 6 (2012): 27–49.
- Kellner, Douglas (2018). "Donald Trump as Authoritarian Populist: A Frommian Analysis." In *Critical Theory and Authoritarian Populism*, ed. Jeremiah Morelock, 71–82. London: University of Westminster Press.
- Koolman, Gary (1971). "Say's Conception of the Role of the Entrepreneur." *Economica* 151, № 38 (1971): 269–286.
- Kristol, Irving (1978). *Two Cheers for Capitalism*. New York: Basic Books.
- Lapied, André, Swaton Sophie (2013). "L'entrepreneur schumpétérien est-il surhumain?" *Cahiers d'économie politique* 65, № 2 (2013): 183–202.
- McCraw, Thomas (2007). *Prophet of Innovation: Joseph Schumpeter and Creative Destruction*. Cambridge & London: Belknap Press of Harvard University Press.
- McGuigan, Jim (2016). *Neoliberal Culture*. London: Palgrave Macmillan.
- McNay, Lois (2009). "Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics." *Theory, Culture & Society* 26, № 6 (2009): 55–77.
- Medearis, John (2009). *Joseph A. Schumpeter*. London: Continuum.
- Michaelides, Panayotis, Milios John (2009). "Joseph Schumpeter and the German Historical School." *Cambridge Journal of Economics* 33, № 3 (2009): 495–516.
- Mirowski, Philip, Plehwe Dieter, eds. (2009). *The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Harvard: Harvard University Press.
- O'Malley, Pat (2000). "Uncertain Subjects: Risks, Liberalism and Contract." *Economy & Society* 29, № 4 (2000): 460–484.
- Peck, Jamie (2010). "Zombie Neoliberalism and the Ambidextrous State." *Theoretical Criminology* 14, № 1 (2010): 104–110.
- Plehwe, Dieter, Slobodian Quinn, Mirowski Philip, eds. (2020). *Nine Lives of Neoliberalism*. London & New York: Verso.
- Reinert, Hugo, Reinert Erik (2006). "Creative Destruction in Economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter." In *Friedrich Nietzsche (1844–1900): Economy and Society*,

- eds. Jürgen Backhaus, Wolfgang Dreschler, 55–85. New York: Springer.
- Rose, Nikolas (1992). "Governing the Enterprising Self." In *The Values of the Enterprise Culture: The Moral Debate*, eds. Paul Heelas, Paul Morris, 141–164. London & New York: Routledge.
- Scharff, Christina (2016). "The Psychic Life of Neoliberalism: Mapping the Contours of Entrepreneurial Subjectivity." *Theory, Culture & Society* 33, № 6 (2016): 107–122.
- Schumpeter, Joseph (1908). *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Schumpeter, Joseph (1934). *Theory of Economic Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Schumpeter, Joseph (1974). *Imperialism & Social Classes. Two Essays*. New York: Meridian Book.
- Schumpeter, Joseph (1976). *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph (1987a). *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schumpeter, Joseph (1987b). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph (1997). *Ten Great Economists*. London: Routledge.
- Shionoya, Yuichi (1997). *Schumpeter and the Idea of Social Science: A Metatheoretical Study*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sombart, Werner (2017). *Economic Life in the Modern Age*. London: Routledge.
- Swartz, Jonathan (2013). *Constructing Neoliberalism: Economic Transformation in Anglo-American Democracies*. Toronto: University of Toronto Press.
- Taymans, Adrien (1950). "Tarde and Schumpeter: A Similar Vision." *The Quarterly Journal of Economics* 64, № 4 (1950): 611–622.
- Tyagarajan, Meenakshi (1959). "The Development of the Theory of Entrepreneurship." *Indian Economic Review* 4, № 4 (1959): 135–150.
- Vecchi, Nicolo de. (1996). *Entrepreneurs, Institutions and Economic Change. The Economic Thought of J. A. Schumpeter*. Sydney: Sydney University Press.
- Weber, Max (2001). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Routledge.
- Wieser, Friedrich von (1983). *The Law of Power*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Zolo, Danilo (1992). *Democracy and Complexity: A Realist Approach*. Philadelphia: Pennsylvania State University Press.

Georgiy Vanunts

Research Fellow

Center of Contemporary Political Studies

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

Vernadsky prospekt, 82, bulding 2, 119606 Moscow

E-mail: g.vanunts@gmail.com

Barbarian in the City Walls. Schumpeter's 'Entrepreneur' as the Subject of a Historico- political Discourse

Abstract:

A common narrative about the recent reactionary turn in electoral democracies around the world highlights a fundamental lack in the heart of neoliberal rationality — a lack of political/social in the version of critical theorists and a lack of morals/traditions in the version of conservative critics. What if this lack is complemented by an excess, an antinomic element, that overdetermines this shift to the right? Following the mainstream version of neoliberal subject — an entrepreneurial self — this study reaches into the genealogy of the 'entrepreneur' concept in the theory of Joseph A.Schumpeter, tracing its roots to the conservative dichotomies of Werner Sombart and Friedrich von Wieser. By placing the 'entrepreneur' in the framework of Foucault's theory of two discourses, I draw out the complex relationship between Schumpeterian concept and its analogues in the mainstream neoliberal theory. An outcome of this analysis is the hypothesis of polydiscursivity: a problem of 'barbarian subject' at the gates (or within the city walls) of the Austrian school's (neo)liberal utopia

Keywords:

Wendy Brown, Ulrich Bröckling, Michel Foucault, Joseph A.Schumpeter, Werner Sombart, Friedrich v.Wieser, Austrian school of economics, German Historical school, neoliberalism, conservative turn, neoliberal mutation, neoliberal subject,

entrepreneurial self, historico-political discourse, juridico-political discourse, barbarian, savage, spontaneous order, homo oeconomicus, catallactics, freedom, coercion

References

- Akbaba, Sertan. (2018). "Re-Narrating Europe in the Face of Populism: An Analysis of the Anti-Immigration Discourse of Populist Party Leaders". *Insight Turkey* vol. 20.3: 199–218.
- Backhaus, Jürgen. (2003). *Joseph Alois Schumpeter: Entrepreneurship, Style and Vision*. New York: Springer.
- Bell, Daniel (1976). *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books.
- Bröckling, Ulrich (2016). *The Entrepreneurial Self. Fabricating a New Type of Subject*. London: Sage.
- Brown, Wendy (2019). *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. New York: Columbia University Press.
- Brown, Wendy (2003). "Neo-Liberalism and the End of Liberal Democracy". *Theory & Event* vol. 7.1: 37–59.
- Callison, William, Zachary Manfredi (2020). *Mutant Neoliberalism: Market Rule and Political Rupture*. New York: Fordham University Press.
- Christiaens, Tim (2019). "The entrepreneur of the self beyond Foucault's neoliberal homo oeconomicus". *European Journal of Social Theory* vol. 23.4: 493–511.
- Crouch, Colin (2011). *The Strange Non-death of Neo-liberalism*. New Jersey: Wiley.
- Davies, William (2014). *The Limits of Neoliberalism: Authority, Sovereignty and the Logic of Competition*. London: Sage.
- De Vecchi, Nicolo (1996). *Entrepreneurs, Institutions and Economic Change. The Economic Thought of J. A. Schumpeter*. Sydney: Sydney University Press
- Ferreira, Manuel Portugal, Nuno Rosa Reis, Claudia Frias Pinto (2017). "C.S.F. Schumpeter's (1934) Influence on Entrepreneurship (and Management) Research". *Revista de Empreendedorismo e Gestão de Pequenas Empresas* vol. 6.1: 4–39
- Foucault, Michel (2003). "Society Must Be Defended": *Lectures at the Collège de France, 1975–1976*. London: Picador.
- Foucault, Michel (2008). *The Birth of Biopolitics*. London: Pallgrave MacMillan.
- Fraser, Nancy (2020). *The Old is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. London: Verso.
- Fuchs Christian (2018). *Digital Demagogue: Authoritarian Capitalism in the Age of Trump and Twitter*. London: Pluto Press.
- Inglot, Tomasz, Dorottya Szikra (2012). "Reforming Post-Communist Welfare States". *Problems of Post-Communism* vol. 59: 27–49.
- Harvey, David (2007). *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Kellner, Douglas (2018). "Donald Trump as Authoritarian Populist: A Frommian Analysis". *Critical Theory and Authoritarian Populism* vol. 9: 71–82.
- Koolman, Gary (1971). "Say's Conception of the Role of the Entrepreneur". *Economica* vol. 38.151: 269–286.
- Kristol, Irving (1978). *Two Cheers for Capitalism*. New York: Basic Books.
- Lapied, André, Sophie Swaton (2013). "L'entrepreneur schumpétérien est-il surhumain?". *Cahiers D'économie Politique* vol. 65: 183–202.
- Marshall, Alfred (1920). *Principles of Economics*. London: Macmillan and Co.
- McCraw, Thomas Kincaid (2007). *Prophet of Innovation: Joseph Schumpeter and Creative Destruction*. Cambridge: Harvard University Press.
- McGuigan, Jim (2016). *Neoliberal Culture*. London: Palgrave MacMillan.
- McNay, Lois (2009). "Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in

- Foucault's *The Birth of Biopolitics* *Theory, Culture & Society* vol. 26.6: 55–77.
- Medearis, John (2009). *Joseph A. Schumpeter*. New York: Continuum.
- Michaelides, Panayotis, John Milios (2009). "Joseph Schumpeter and the German Historical School". *Cambridge Journal of Economics* vol. 33.3: 495–516.
- Mirowski, Philip, Dieter Plehwe (2009). *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge: Harvard University Press.
- O'Malley Pat (2000). "Uncertain Subjects: Risks, Liberalism and Contract". *Economy and Society* vol. 29: 460–484.
- Oleynikov, Andrey. (2011). "Aristokratiya kak oznachayushcheye" [Aristocracy as Signifier]. In *Intellectualniy yazyk epokhi. Istoriya idey, istoriya slov* [The Intellectual Language of an Era. The History of Ideas, the History of Words]. Moscow: Novoye Obzreniye.
- Peck, Jamie (2010). "Zombie Neoliberalism and the Ambidextrous State". *Theoretical Criminology* vol.14.1: 104 –10.
- Plehwe, Dieter, Quinn Slobodian, Philip Mirowski (2020). *Nine Lives of Neoliberalism*. London: Verso.
- Reinert, Hugo, Eric Reinert (2006). "Creative Destruction in Economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter". In *Friedrich Nietzsche (1844-1900)*, eds. Jürgen Backhaus, Wolfgang Drechsler, 55-87. New York: Springer.
- Rose, Nikolas (1992). "Governing the Enterprising Self". In *The Values of the Enterprise Culture* Eds. Paul Morris, Paul Heelas, 150-168. London: Routledge.
- Scharff, Christina (2016). "The Psychic Life of Neoliberalism: Mapping the Contours of Entrepreneurial Subjectivity". *Theory, Culture & Society*. Vol. 33.6: 107–122.
- Schumpeter, Joseph (1976). *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph (1908). *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Schumpeter, Joseph (1987). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph (1974). *Imperialism & Social Classes*. New York: Meridian Books/ New American Library.
- Schumpeter, Joseph (1997). *Ten Great Economists*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph (1987). *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Duncker und Humblot.
- Schumpeter, Joseph (1934). *Theory of Economic Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Shionoya, Yuichi (1997). *Schumpeter and the Idea of Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sombart, Werner (1913). *Der Bourgeois*. München: Duncker & Humblot.
- Sombart, Werner (1913). *The Jews and Modern Capitalism*. London: T. F. Unwin.
- Sombart, Werner (1922). *Luxury and capitalism*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Sombart, Werner (2017). *Economic Life in the Modern Age*. London: Routledge.
- Swarts, Jonathan (2013). *Constructing Neoliberalism: Economic Transformation in Anglo-American Democracies*. Toronto: University of Toronto Press.
- Taymans, Adrien (1950). "Tarde and Schumpeter: A similar vision". *The Quarterly Journal of Economics* vol. 64.4: 611-622.
- Tyagarajan Meenakshi (1959). "The Development of the Theory of Entrepreneurship". *Indian Economic Review* vol. 4.4: 135-150.
- Weber, Max (2001). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: Routledge.
- Wieser, Friedrich von (1983). *The Law of Power*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Zolo, Danilo (1992). *Democracy and Complexity: A Realist Approach*. Philadelphia: Pennsylvania State University Press.